

нота, посланы в самодельных склеенных конвертах или обычным фронтовым треугольничком. Почерк чисто мужской – размашистый, четкий, хороший слог и грамотность. Никто из нас, детей, не перенял этого почерка. Вероятно, выработался он в работе с чертежами. Отец скрупулезен: всегда называет место, где находится, ставит дату. Я попробую пройти дорогой войны вместе с отцом. Открываю атлас и отмечаю на карте этот путь: Челябинск – Свердловск – Агрыз (это в Татарии, железнодорожная станция, где жили и работали родители отца, его братья и сестры – всех их было двенадцать человек), Казань – Канаш (это уже Чувашия) – Пенза – Балашов (Саратовская область) – Старобельск (Украина, Ворошиловградская область).

Далее географических примет в письмах нет, это уже фронт, а в письмах есть вымарки военной цензуры. Но я предполагаю, что дальше дорога войны пролегла через Донецкую область в Запорожскую, где в боях на подступах к Днепру отец погиб.

В нашей семье изустно передавался рассказ о том, что отца на фронт провожала только я, четырехлетняя. Маму с младшими детьми положили в больницу. Похоже, в инфекционное отделение. Отец не смог с ними проститься. Это событие сохранилось и в моей памяти. Мы шли по пустынной, горячей от солнца улице, держась за руки. На середине квартала он остановился, присел передо мной и что-то долго говорил. А я усиленно кивала головой, а сама думала: «Ведь папа вернется вечером с работы...». Довольно много времени спустя, вспомнила: папа просил поцеловать маму. Велев мне бежать обратно домой, отец резко повернулся и зашагал, не оглядываясь. Он так и не вернулся. И вот письмо о том же эпизоде. Как отозвалось в отце это прощание? «Как скверно сложилась наша жизнь в 1942 г. В момент отъезда из дому и то вместе с семьей не пришлось дома посидеть. Начало мне плохое, но неизвестно, какой конец. Ребят я так и не видел, все болели, были в больнице. Большое спасибо моей дочери, с которой я провел почти трое суток вместе, не разлучаясь, потаскал изрядно ее, сонную, на руках. А вот Игоря и Борю не пришлось». Стало быть, были в моей жизни блаженные моменты: сон на руках отца. Как не хватало мне в жизни этих рук, их заботы, их защиты.

Сначала отца отправили в Свердловск на курсы в Черкасское пехотное училище. Почему Черкасское? Не могу объяснить, наверное, учебное заведение было эвакуировано на Урал. Он окончил курсы в должности командира стрелкового взвода и звании лейтенанта. «К 1 марта, – пишет отец, буду на каком-либо фронте сражаться с гитлеровскими бандитами».

А вскоре сообщает: «Еду на Юго-Западный фронт». По предположению отца эшелон должен был проходить через Челябинск. В письме он просил маму прийти на вокзал: «Кто знает, может быть, эта встреча наша с тобой будет последней в нашей жизни?». (январь 1943). Телеграмма о дате проезда через Челябинск была послана, но эшелон отправили по другой дороге – через Казань. Встреча не состоялась. Но нет худа без добра: поезд сделал остановку в родном поселке отца – в Агрызе, что в Татарии. Отец позвонил (телеграмма потерялась), и к эшелону пришли мать, братья Иван и Константин, сестры Вера и Ольга. Отцовы братья и сестры работали на железнодорожной станции. Воевали Вячеслав (отец) и Василий, судя по фото в комбинезоне и шлеме – в авиации. И младшая из сестер – Валя связисткой дошла до Берлина. Отец пишет об этой встрече: «Принесли 3 килограмма хлеба, литр молока, пряников и 170 руб. денег. Я не брал, но они